

ВИКТОР БАРАКОВ

ЛАД И РАЗЛАД

Книга Василия Белова “Лад” и современность

“Лад” представляет собой серию очерков о народной эстетике. Но эстетика без этики не бывает. Национальные этико-эстетические ценности опосредованно связаны с крестьянским мировоззрением и творчеством, сформировавшим облик народа, его язык, характер, который, несмотря на все потрясения, в своей основе остался неизменным. Вот как об этом пишет Василий Белов:

“Культура и народный быт также обладают глубокой преемственностью. Шагнуть вперёд можно лишь тогда, когда нога отталкивается от чего-то, движение от ничего или из ничего невозможно. Именно поэтому так велик интерес у нашей молодежи к тому, что волновало дедов и прадедов.

Так же точь-в-точь и будущие поколения не смогут обойтись без ныне живущих, то есть без нас с вами. Им так же будет необходим наш нравственный и культурный опыт, как нам необходим сейчас опыт людей, которые жили до нас.

Книга не случайно называется “Лад” и рассказывает о ладе, а не о разладе крестьянской жизни” (1, с. 7).

В основе лада лежала система православных по своему происхождению ценностей, укоренённых в русском крестьянстве. В древности слово “крестьянин” буквально означало: “крещёный человек”, “христианин” и только потом – земледелец. Поэтому сельчане в советское время были не крестьянами, а колхозниками. Религиозный смысл названия был утерян почти полностью, хотя и в психологии, и в мировоззрении сельских жителей (как и во всем русском народе) в частичном, искажённом виде христианские ценности сохранялись. Они и определяли уклад жизни, который измерялся часами, днями и природными циклами. Бог, природа, Родина, род, семья, дом – всё существовало в гармонии. Можно было сфальшивить человеку, но эта фальшь тонула в общем музыкальном строе общежительного лада. Во время насильственной коллективизации лад был сломан вместе с крестьянством (“Год великого перелома”), колхозный строй ценой огромных лишений и жертв (паспорта, например, не выдавали крестьянам до 1974 года!) был приближен к общинным традициям, но в 90-х были уничтожены и колхозы. Василий Белов в 2002 году сетовал:

“Деревни сегодня нет совсем. Она погибла. Сначала под ударами сталинской коллективизации, потом под ударами войны, далее последовали хрущёв-

ские удары, ликвидация малых деревень и тому подобное. И всё это на моей памяти. Весь двадцатый век – непрерывные удары по русской деревне и русскому крестьянству. Перестройка добила окончательно. Советская власть была нормальная власть, даже сталинская власть, и народ к ней приспособился. А потом началась ненормальная власть, которой народ просто не нужен” (3).

И сейчас деревню продолжают добывать, считают “неперспективной”, закрывают школы, больницы, да что там – целые районы! Нет денег? – На олимпиаду и мировой футбольный чемпионат деньги почему-то нашлись. Протоиерей Евгений Соколов с возмущением пишет: “Вот наш премьер разразился гневной тирадой по поводу хамства в обществе. Возможно, он забыл (а может, совсем не знает), что грех древнего Хама состоит в насмешке над своим отцом. Хамов грех – это презрение к истории (похоже, премьер не читал наши современные школьные учебники по этому предмету), к традиции, к вере своих предков. Это откровенное глумление над умирающей русской деревней и одновременно проведение бесчисленных мировых шоу за государственный счёт, когда народные деньги сотнями миллиардов выбрасываются на ЗРЕЛИЩА. Можно ли придумать большее хамство? А сколько написано на эту тему статей, и хоть малейшая реакция на них была у наших правителей всех уровней?” (7). Власть даже не скрывает, что сознательно уничтожает деревню, образование, медицину, только слово применяет другое: “оптимизация”.

Сейчас в критике стала довольно распространённой точка зрения, что современная деревня перестает быть основой преемственности, формирования национального характера, хранительницей народных традиций. Но, во-первых, национальный характер и народные традиции – слишком устойчивые во времени явления, которые сохраняются, пусть в изменённых формах, на столетия. Непопулярный ныне В. Ленин сказал об этом так: “Сила привычки – страшная сила”. Повальная эпидемия “дачного” и “загородно-деревенского” ведения хозяйства – следствие не только бедности, но ещё и неосознанного, судорожного стремления сохранить привычный уклад жизни хотя бы в миниатюре. Во-вторых, львиная доля этнографических признаков деревни и основа так называемого “менталитета” переместились сегодня в провинциальную Россию. С одной стороны – Москва, с другой – бескрайняя Россия, по сути, большая деревня.

Что же мы имеем сейчас? Какие ценности мы сумели сохранить, а какие – нет, что вернулось из небытия, а что было утеряно навсегда или на время?..

Прежде всего, надо сказать об отношении к труду.

“Работать красиво не только легче, но и приятнее. Талант и труд неразрывны. Тяжесть труда непреодолима для бездарного труженика, она легко порождает отвращение к труду.

Вот почему неторопливость, похожая с виду на обычную лень, и удачи талантливому человеку вызывают иной раз зависть и непонимание людей посредственных, не жалеющих в труде ни сил, ни времени.

Истинная красота и польза также взаимосвязаны: кто умеет красиво косить, само собой, накосит больше. Так же как и тот, кто умеет красиво плотничать, построит больше и лучше, причём вовсе не в погоне за длинным рублём...” (1, С. 31).

Творческий крестьянский (и любой иной) честный труд всегда был в почете. Даже торговля.

“Крестьянин и городской простолудин уважали честного торговца, с почтением относились к торговому делу. Потому и попадались частенько на удочку обманщику и выжиге. Пользуясь народной доверчивостью, торговые плуты сбывали неходовой или залежалый товар, да ещё и подсмеивались. Такие купцы относились к честным торговцам с презрением, переходящим в ненависть. Как, мол, это можно – торговать без обмана? С другой стороны, торговец, торгующий без обмана, быстро приобретал известность в народе и оттого богател быстрее.

Многие после этого увеличивали оборот, расширялись. Другие же искусственно тормозили дело, считая грехом увеличение торговли. Последние пользовались у народа особым почтением” (1, С. 54).

Да, честная торговля пользовалась уважением. Но не торгашество! А. И. Солженицын отметил в своей статье о писателе эту мысль В. И. Белова: “Сами торговцы считали увеличение своей торговли – грехом” (8, С. 155).

Частная собственность священна и неприкосновенна – это закон. Но священна она именно потому, что человеку не принадлежит, а является Даром

Божьим. И горе тому человеку, который “не в Бога богатеет”, умножая капитал нечестным “трудом” или используя его в неправедных целях, для наживы и разврата. Частная собственность, которая украдена, присвоена обманом, “прихвачена” — не собственность, а воровская добыча. И за нарушение заповеди: “Не укради” — положена кара обыденно-знаменитая: “Вор должен сидеть в тюрьме!”

В народе ценился любой талант: плотника, доярки, мастерового, лётчика, писателя, печника.

“Дом (или хоромы) давал кров и уют не только людям, но и коровам, и лошадям, и всякой прочей живности. И если в духовном смысле главным местом в хорамах был красный угол главной избы, то средоточием, материально-нравственным центром, разумеется, была русская печь, никогда не остывающий семейный очаг.

Печь кормила, поила, лечила и утешала. На ней подчас рожали младенцев, она же, когда человек дряхлел, помогала достойно выдержать краткую смертную муку и навек успокоиться.

Печь нужна была в любом возрасте, в любом состоянии и положении. Она остывала только вместе с гибелью всей семьи или дома.

Удивительно ли, что печника чтили в народе не меньше, чем священника или учительницу?” (1, с. 49).

Мы боимся признаться открыто в том что, отказавшись от идеи справедливости, совершили ошибку, точнее, национальное предательство. В народе об этом говорят уже лет двадцать, интеллигенция же никак не может разглядеть очевидное: капитализм так же, как и 100 лет назад, практически во всех сферах, за исключением торговли, показал свою неэффективность и неспособность к творчеству. В соревновании с советским прошлым он безнадежно и окончательно проиграл.

Говорит иерей Александр Шумский: “Капитализм в России смотрится, как на корове седло: на корове под седлом далеко не ускакать, да и молока с неё не получишь, потому что корова под седлом вряд ли будет стремиться к повышению надоя. Нельзя не прийти к выводу, глядя на нашу современную Россию, что не предназначена русская земля для капитализма. Перегородочная Европа предназначена, а степная Россия нет. Степная кобылица никогда не станет свиньёй, ничего с этим не поделаешь. Поэтому, как ни крути, социализм является органичной формой русской жизни. Разумеется, я имею в виду социализм без коммунистической идеологии. А вот ещё одно соображение в этой связи. Монархию в России свергла буржуазная революция, и за это русская буржуазия получила возмездие в ходе социалистической революции. Так что винить в русской смуте начала XX века следует, прежде всего, недоразвитый русский капитализм. И сегодня он такой же недоразвитый. И развитым никогда не станет, прежде всего, по моральным причинам” (10).

Важнейшей ценностью в укладе крестьянской жизни была семья.

“Семья для русского человека всегда была средоточием всей его нравственной и хозяйственной деятельности, смыслом существования, опорой не только государственности, но и миропорядка” (1, с. 108).

Столетиями вырабатывалось общественное отношение не только к бытовой, но и интимной её составляющей. Честь, совесть, стыд, целомудрие... Это были не просто громкие слова, от этих ценностей зависело нравственное и физическое здоровье народа.

“Ошибочно мнение, что необходимость целомудрия распространялась лишь на женскую половину. Парень, до свадьбы имевший физическую близость с женщиной, тоже считался испорченным, ему вредила подмоченная репутация, и его называли уже не парнем, а мужиком” (1, с. 125–126).

Красота отношений между молодыми людьми питалась иной раз, казалось бы, такими взаимно исключаящимися свойствами, уживающимися в одном человеке, как бойкость и целомудрие, озорство и стыдливость. Любить означало то же самое, что жалеть, любовь бывала “горячая” и “холодная” (1, с. 126).

Обратные современные примеры приводить не хочется. Иногда кажется, что наше центральное телевидение возродило печально известное в 20-х годах общество “Долой стыд!” Русские учителя ещё в 1994 году констатировали: “Массовые издания, СМИ и т. д., оказывают зачастую разрушительное влияние на сознание (и подсознание) молодёжи, разными способами стимулируя животные инстинкты, апологию насилия, психологию потребительства, разру-

шая иерархию ценностей, воспитывая цинизм, равнодушие, бессовестность, подрывая и уничтожая в сознании молодёжи основополагающие, социально-необходимые качества: чувство долга, понятие о святине, рефлекс идеала, отношение к труду как к нравственной обязанности, то есть всё то, без чего не может существовать ни общество, ни армия, ни государство, ни нация” (5, с. 337).

От семейно-бытового уклада – прямой путь к святым для нас понятиям: Родина, Вера, Народ.

На **родине** всё было родным, принадлежало к роду. “Ты какого роду-племени?” – вопрошали герои русских сказок.

“Родная деревня была родной безо всяких преувеличений. Даже самый злобный отступник или забулдыжник, волей судьбы угодивший куда-нибудь за тридевять земель, стремился домой. Он знал, что в своей деревне найдёт и сочувствие, и понимание, и прощение, ежели нагрешил... А что может быть благодатнее для проснувшейся совести? Оторвать человека от родины означало разрушить не только экономическую, но и нравственную основу его жизни” (1, с. 108).

По народным представлениям, у каждого человека три матери: родная, крёстная и Мать-Сыра-Земля (Россия). “Земля – лоно предков, последний приют всех живущих на ней людей... Тяжким грехом считалась “матерная” брань, так как ругающийся “матерными” словами бранит свою собственную мать, общую для всех Мать Пресвятую Богородицу и, наконец, Мать-Сыру-Землю” (9).

Почитание земли в русской культуре давным-давно христианизировано. Так, Соня Мармеладова умоляла Раскольниковца поцеловать землю и просить прощения у матери-земли (смесь языческих и христианских представлений). Великий грех – сквернословить, плевать на землю, а покинуть Россию – всё равно, что бросить свою мать.

Вера всегда жила в нашем народе. В иные периоды советского времени нельзя было произносить слово “православие” – не беда, ему нашли замену: “духовность”. Василий Белов с благоговением пишет в книге о церковных праздниках, обрядах, иконах.

“Что же объединяет все школы и стили русского иконописного искусства, что делает его цельным, определённым? Отвечать на этот вопрос, вернее, ставить его, опять же как-то не очень уместно... Любой разговор о великих явлениях творчества и художества всё равно будет ограниченным по сравнению с этими явлениями, всё равно никогда не исчерпает всей их сути.

Иначе великое явление не было бы великим.

Тайна художественного творчества останется тайной, сколько бы мы ни раскрывали её. Раскрытая же, разгаданная тайна будет принадлежать науке, а не художественному творчеству” (1, с. 277).

Василий Белов говорил в книге о крестинах как об утерянном обряде: “В настоящее время описываемый обряд почти повсеместно исчез...” К счастью, это Таинство вернулось в нашу жизнь.

“Церковный обряд крещения был обязательным в жизни русского крестьянина. По народным поверьям, душами некрещёных детей распоряжается дьявол. Нередко по смерти ребенка мать горевала не оттого, что его не стало, а оттого, что дитя умерло некрещёным.

Восприемники, то есть крёстный отец и крёстная мать (кум и кума по отношению друг к другу), были обязательны при крестинах. Крестники, как правило, очень любили и чтили их” (1, с. 202).

Русский **народ** – великий философ и поэт, созидатель нашей истории, и оценивать его надо по вершинам, а не по худшим его представителям, как это делает наша центральная пресса, состоящая почти сплошь из людей так называемой “либеральной национальности”. Изменился к худшему не русский народ, а те, кто корёжит его экономическую и культурную основу. Об экономике говорить не будем, у нас и в культуре есть свои чубайсы: Фурсенко, Ливанов и им подобные. Раскол между народом и властью – катастрофический! Трагический раскол существует и в самом народе:

“Наша демократическая так называемая революция разделила русский народ. И старается делить его, дробить на всё более мелкие составляющие. Нас лишают нашей национальной и духовной цельности. А когда душа начинает дробиться, невозможно никакое созидание” (3).

Народ никому не нужен, власть и бизнес живут “по понятиям”, у населения за все эти океанские годы ни разу не удосужились спросить, чего же оно хочет (не провели ни одного референдума!), небезосновательно полагая, как-то будет ответ. . .

Наука презираема, её тонкий верхний слой съедается, как шагреновая кожа, уступая место примитивизму и халтуре – вплоть до потери квалификации. Омар Хайям писал ещё в XI веке:

*В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.*

Нет научного плана развития страны (на самом деле он есть и давно пылится в Академии наук, но властям не до него), а самое главное – нет хозяина, нет воли.

Да что там Академия – к Православной Церкви не прислушиваются наши “богобоязненные верхи”! Где реакция на её заявления о необходимости нравственного контроля над СМИ? Где хотя бы шевеление по поводу рекомендации ввести прогрессивный налог на богатых, как в той же Швеции или Норвегии? Где, наконец, ответ на недавний документ о православном понимании прав и обязанностей человека в современном мире?.. Вездесущее молчание, либо крайне безграмотные, нелепые комментарии.

Не только равнодушные, но и высокомерие по отношению к провинциальной России, игнорирование её интересов – главная причина неудач всех реформ в России, начинаемых “сверху”. Единственный путь для нас – действовать самим, возрождать народное самоуправление.

“Новгородское и Псковское вече, как будто бы известное каждому школьнику, на самом деле мало изучено. Оно малопонятно современному человеку. Что это такое? Демократическое собрание? Парламент? Исполнительный и законодательный орган феодальной республики? Ни то и ни другое. Вече можно понять, лишь уяснив смысл русского общинного самоуправления. Мирские сходы – практическое выражение самоуправления. Заметим: самоуправления, а не самоуправства. В первом случае речь идёт об общих интересах, во втором – о корыстных и личных. . .

Ясно, что такое явление русского быта, как сход, несший на своих плечах главные общественные, военные, политические и хозяйственные обязанности, имел и собственную эстетику, согласную с общим укладом, с общим понятием русского человека о стройности и красоте” (1, с. 208–209).

Василия Белова при жизни и после смерти снисходительно, а то и презрительно называли и называют “деревенщиком”: “Ату его! – кричат идеологические и технические прогрессисты. – Он же идеализирует прошлое!” (2, с. 45). На самом деле Белов в “Ладе” разглядел в крестьянстве (и не только в крестьянстве!) носителя православного сознания, смертельно опасного для либералов.

Ненавидящий Белова вражеский стан уже в те годы “почти открыто противостоял его родине – России” (2, с. 347). В выборе средств он не стеснялся: “Нам усиленно прививали всевозможные комплексы, – пишет классик. – Враги ненавидели нашу волю к борьбе. Тот, кто стремился отстоять свои кровные права, кто стремился к цели, кто понимал своё положение и осознал важность своей работы, кто защищал собственное достоинство, был для этих “культурников” самым опасным. Таких им надо было давить или дурить, внушая комплекс неполноценности” (2, с. 312).

И всё-таки основу народной жизни сломать невозможно. Никому ещё не удалось и не удастся. Лад может исчезнуть только вместе с народом.

“Даже три века господства кочевников не научили его, к примеру, есть конину или умыть чужих жен” (1, с. 106).

Так что же такое – беловский “Лад” в современности и вечности?..

Как писал Юрий Селезнёв: “Это чрезвычайно ёмкое русское слово действительно являет собой единство многообразия: это и вселенский лад – целый мир, гармония миропорядка; это и лад определённого уклада общественной жизни – жизни в любви, дружбе, братстве, добрососедстве, взаимопонимании; и жизни семейной: лад – это супружество, лада – любимый, милый, желанный человек; и трудовой – ладить – делать хорошо, с умением, вкусом;

лад – это и определённый тип сознания, мироощущения: лад – это согласие, гармония...” (6).

Нобелевский лауреат Александр Солженицын: “Книга “Лад” – драгоценность в русской печатности” (8, с. 155).

Критик Юрий Павлов: “Деревенская проза” есть бытийная, историко-философская проза, она самое значительное явление в русской литературе второй половины XX века. И это та объективная реальность, с которой, подчеркну, никогда не согласятся современные авторы учебников, либеральные критики, журналисты, преподаватели...” (4).

Василий Белов учит нас не падать духом: “Народная жизнь обладает, по видимому, и свойством регенерации, свойством восполнения, как восполняются или даже возрождаются почти что из ничего некоторые растения и организмы...” (2, с. 65).

“Пора, наконец, вернуться к традиционной русской государственности, к традиционным национальным ценностям, – пишет Юрий Павлов. – И творчество Василия Белова – один из краеугольных камней в фундаменте будущего Русского Дома. Необходимо только прочитать и объективно оценить разножанровое наследие великого писателя... Тем, кто болеет за судьбу России, следует помнить следующие слова Белова: “Пока наш народ не обретёт Бога в душе своей, до тех пор не вернётся и наш русский лад” (4).

В последнее время власть в нашей стране всё чаще стала прибегать к патриотической риторике. Но это дымовая завеса, “операция прикрытия”, как говорят чекисты. Надежда на “перерождение” власти – иллюзия. Надо помнить слова Василия Ивановича Белова: “Я всей кожей чувствую, что с антинародной властью Россия не примирится ни сегодня, ни завтра” (2, с. 237).

Нас ждут грозные испытания: будущие годы пройдут под знаком национально-освободительной борьбы по возвращению народу власти, собственности и исторической преемственности. Силы для этой борьбы накапливаются именно сейчас. Каким образом содействовать этому – каждый решает сам. Будут ещё поражения, и немалые. Но победа обязательно придёт!

Использованная литература:

1. Белов В. И. Лад: Очерки о народной эстетике. М., 1982. – 293 с., ил. <http://www.booksite.ru/fulltext/vas/ily/lad/index.htm>.
2. Белов В. И. Раздумья о дне сегодняшнем. Рыбинск, “Рыбинское подворье”, 2002. – 368 с.
3. Молюсь за Россию: беседа Владимира Бондаренко с Василием Беловым. // Наш современник. 2002, № 10. <http://www.booksite.ru/belov/interview/13.htm>.
4. Павлов Юрий. СМИ о смерти Василия Белова // Российский писатель. 2013, 11 февраля. <http://www.rospisatel.ru/pavlov-belov.htm>.
5. Решение IV Всероссийской научно-практической конференции “Филология и школа: преподавание словесности в современных социокультурных условиях и проблемы высшего гуманитарного образования” (19–21 октября 1994) // Филология и школа. Выпуск I. М., ИМЛИ РАН. 2003. С. 337–339.
6. Селезнёв Ю. И. Василий Белов: Раздумья о творческой судьбе писателя. М., “Сов. Россия”, 1983. – 144 с. Писатели Сов. России. <http://www.booksite.ru/belov/seleznyov/8.htm>.
7. Соколов Евгений, протоиерей. Иродово жертвоприношение современных кесарей // Русская народная линия. http://ruskline.ru/analitika/2013/03/30/irodovo_zhertvoprinoshenie_sovremennyh_kesarej/
8. Солженицын А. Василий Белов // Новый мир. 2003, № 12. С. 154–155. <http://www.booksite.ru/belov/creature/22.htm>.
9. Тульцева Л. А. Божий мир православного крестьянина // Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996. С. 302.
10. Шумский А., иерей. Мальчиш-Кибальчиш приближается // Русская народная линия. http://www.ruskline.ru/news_rl/2010/11/17/malchishkibalchish_priblizhaetsya/